№ 33-34 ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 33-34 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel | Февраль-Март 1928

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

18-1205

Каторга на службе у ГПУ?

Речь идет не о заключенных на современную большевистскую каторгу и не об их отношениях к ГПУ. Нет, речь о дореволюционной политической каторге царских лет, на которой томились десятки тысяч борцов пролетариата за идею революции и свободы. От имени этих десятков тысяч высказано полное оправдание палаческой деятельности ГПУ в отношении анархистов и революционных рабочих, борющихся за осуществление идей, провозглашенных октябрьской революцией. Чудовищно, но это факт. В N 7 за 1927 г. журнала «Каторга и ссылка» напечатан документ Московского общества бывших политкаторжан и ссыльно поселенцев, в котором прямо и косвенно оправдывается террористическая деятельность большевиков в отношении левых революционных течений и в частности в отношении анархистов.

История этого документа такова. В июне прошлого года орган французских анархистов «Le Libertaire» предпринял анкету среди ряда лиц, примыкающих к большевизму или симпатизирующих ему, о допустимости и целесообразности террора в отношении анархистов и других революционных течений в России. Ответы некоторых лиц на анкету печатались в Le Libertaire и два из этих ответов — французского писателя Ромен-Роллана и члена французской компартии Жиро — были воспроизведены в N25 Дела Труда. Из этих ответов видно было, в сколь различное и затруднительное положение поставила анкета ряд лиц. Так коммунист Э. Жиро попросту отрицал, что ГПУ судит кого бы то ни было в административном порядке. Для него это казалось абсурдом, злостной клеветой на русскую компартию. Ромен Роллан склонен был видеть в антианархическом и антиреволюционном терроре большевиков факт и осуждал его, как злоупотребление грубой силой.

Московское общество бывших политкаторжан и ссыльных тоже «сочло своим долгом дать на анкету гласный ответ».

Увы! Ответ этот не пошел дальше формальной отписки, на какую только и способно само ГПУ.

На вопрос анкеты: «Известно ли вам, что в России тайная полиция (ГПУ) имеет право судить административно, т. е. без защитников, без свидетелей, не публикуя ни обвинения, ни приговора — анархистов, революционных рабочих, борющихся за заветы октябрьской революции»? — на этот вопрос общество политкаторжан отвечает: «Неверно, что суду ГПУ подвергаются анархисты и революционные рабочие, борющиеся за осуществление идей провозглашенных октябрьской революцией. Таких рабочих революционеров в природе советского государства не существует, тогда как наоборот, сотни бывших анархистов и членов других социалистических организаций, вместе с сотнями тысяч передовых рабочих страны работают в коммунистической партии и борются за осуществление идей, провозглашенных октябрьской революцией. ГПУ же судит злейших врагов первого в мире пролетарского государства, врагов рабочих и крестьян, судит тех, кто замышляет заговоры, готовит убийства руководителей СССР, кто стремится к восстановлению буржуазно-помещичьей царской власти, хотя бы они и прикрывались иногда революционными, социалистическими или анархическими лозунгами».

Не надо быть особенно искушенным в политике, чтобы в этой тираде узнать людей, не только причастных и по-

...зитные большевистской власти, но, очевидно, и несущих ей непримиримую ответственность.

Прежде всего, из нее так и прет обычная большевистская уловка: советское государство преследует, мол, только контр-революционеров, злейших врагов рабочих и крестьян. Анархисты же и вообще революционеры, борющиеся за осуществление идеалов социальной революции, работают совместно с большевиками в компартии.

Но так как не малое количество лиц бывших в рядах революционного анархизма, все же погибло в подвалах чека и ГПУ, так как тени этих погибших и стоны продолжающих гибнуть анархистов наполняют СССР, проходя через пограничные заграждения большевистского государства, так как, наконец, сама анкета парижских анархистов появилась в силу непрекращающегося террора «советской» власти в отношении анархистов, — то не сказать ничего по этому поводу оказалось невозможным. И вот общество политкаторжан «говорит»: если, мол, под суровую руку чека попадались и попадаются анархисты, то лишь такие, которые под прикрытием анархических лозунгов «стремились к восстановлению буржуазно-помещичьей царской власти».

И в этой фразе легко узнать постоянного спутника и главную опору большевистской диктатуры — Чеку. Формула, что анархисты, борющиеся с диктатурой большевиков, борются тем самым за восстановление царско-помещичьей власти, является шедевром специфически чекистского творчества. В такой именно формулировке большевики давали объяснение всякий раз, когда убивали анархистов или ссылали их на каторгу.

На этой фразе нет смысла останавливаться, когда ее произносит официальный орган большевистской диктатуры. Но в данном случае фраза эта выдвинута обществом бывших политкаторжан. И невольно возникает вопрос: какую роль выполняет это общество в нынешнем строе партийной диктатуры? Но вначале мы поясним, сколь ложен ответ этого общества на анкету французских анархистов.

Обществу политкаторжан или во всяком случае отдельным его членам не может быть неизвестным положение русской революции летом и в начале осени 1917 г. Стихийно развивавшееся социально-революционное движение рабочих и крестьян встречало организованное противодействие со стороны всех политических партий, — и буржуазных и «социалистических». Единственными законченными идеологическими выразителями социальных лозунгов масс были тогда только анархисты. Достаточно просмотреть периодическую и общую литературу того времени всех политических течений, чтобы убедиться в этом. И это естественно, ибо само зарождение и развитие анархизма находилось в органической связи с зарождением идей социальной революции трудящихся. Большевистская партия переживала тогда свой переходный период. Она гналась за событиями, но в то же время не решалась полностью встать на их сторону. Для последнего она не имела ни исторических, ни идеологических предпосылок. Поэтому лозунги ее того времени — борьба за *общенациональное* Учредительное собрание, за рабочий контроль над производством, находящимся в руках капиталистов и другое — носили смешанный двойственный характер. От буржуазной демократии она как бы отстала, но к социальной революции не вполне пристала. Это также отражено в периодической и общей литературе большевиков того времени.

Социально-революционный поток масс тем временем подымался все выше и привел, наконец, к октябрьским событиям 1917 г. Как и до этого, анархисты всюду были в первых рядах этого потока, провозглашая идею экономического и социального равенства и независимости трудящихся. Большевики же *на гребне этих событий* захватили власть и стали государственной машиной направлять дальнейший ход событий. Однако, это еще не означало и не означает полного перехода их на сторону соц. революции. Далеко нет. Самый факт учреждения ими в революционной стране нэповского капитализма и постоянные дискуссии в партии по вопросу о том, куда партия идет (вернее, куда партия должна итти) — к капитализму или к социализму? — показывают, сколь непрочно стояли и стоят большевики в вопросе социальной революции. Но неоспорим тот факт, что анархисты являлись и являются наиболее яркими и законченными выразителями идей социальной революции. Пусть в процессе этой революции они не имели своей общепартийной политической организации, которая бы выявила единую программу анархистов в борьбе за идеалы соц. революции (это вопрос *внутренних*, притом организационных проблем анархизма), в деле служения общим и частным задачам соц. революции они всегда оставались последовательны и верны, всегда отдавали свою свободу и жизнь за осуществление идей.

Если анархисты вступили в резкую оппозицию к власти и ко всей политике партии большевиков, то исключительно за изменническое отношение этой партии к идеям и заветам социальной революции. Большевики продолжают говорить о своей преданности социализму и соц. революции, о том, что они осуществляют диктатуру пролетариата, но ведь с их стороны это только слова. Их диктатура, особенно после прекращения гражданской войны, давит в первую очередь пролетариат. На деле они держат рабочий класс прикованным к каторжной тачке наемного труда и строят свою «социалистическую» государственность и «социалистическую» общественность исключительно на порабощении рабочих классов. Было бы глубоко печально и безнадежно для судеб трудящихся, если бы и их среде не обнаружился голос протеста против этого нового возводимого рабства и не раздался призыв к борьбе с ним. Протесты революционного анархизма против групповой диктатуры большевиков и являются протестом порабощенных масс во имя социальной революции, которой отдана жизнь всех анархистов. И именно этими анархистами наполнены большевистские тюрьмы,

А 3587

концлагеря и места ссылки. Других анархистов нет. Смертельно боясь развиваемой анархистами идеи свободы масс, идеи их общественного и хозяйственного самоуправления, большевики фактически поставили вне закона самую идею анархизма(хотя оффициально они такого постановления не делали пока). Мы знаем неоднократные случаи, когда наших товарищей арестовывали и осуждали на те или иные сроки тюремного заключения только за то, что они посещали музей имени П. А. Кропоткина в Москве. Само собой разумеется, что обвинение в таких случаях анархистам пред'являли не за посещение музея им. Кропоткина (музей этот существует с разрешения совласти), а за что-либо иное, вымышленное. По большей части за принадлежность к несуществующему тайному, якобы, обществу анархистов.

Как же можно, хотя бы в качестве обмолвки выразиться об анархистах, борющихся с большевистской диктатурой — якобы, ради восстановления царско-помещичьей власти? Заплечных дел мастерам из ВКП подобные выражения необходимы, дабы заболотить вопрос о большевистских гонениях на анархизм и анархистов. Но к лицу ли они обществу бывших политкаторжан?

Революционный анархизм принес огромные жертвы в борьбе за соц. революцию. Достаточно бегло заглянуть в отчеты военно-полевой юстиции 1906-7 г. г., чтобы сразу же натолкнуться на бесконечный список анархических имен.

Свои виселицы Столыпин большей частью украшал телами анархистов. Многих, очень многих анархистов взяла в свои стены и царская каторга. Многие из них так и не вернулись оттуда. Те же, кто дотянул до марта 1917 г., по освобождении немедленно встали в ряды бойцов соц. революции.

Теперь целое общество наших соратников по прошлому, по каторге публикует документ, который без внутреннего страдания и вместе с тем без негодования нельзя читать. Мы были на каторге, оставили там большую часть своих лучших лет и мы знаем, что такое наша каторга, за что она боролась и страдала. В наиболее худшие и тяжелые годы своего существования каторга сохраняла свое революционное достоинство, она не унижалась перед врагом, терпеливо и мужественно несла свой крест, ожидая спасения лишь с одной стороны, — со стороны революционных масс, находившихся по ту сторону тюрьмы. И в то же время, в своей среде каторга не терпела духовного пресмыкательства. Она широко пользовалась свободой мысли, которую ценила в каждом из своих членов и которую она заслужила своей смелостью, своей борьбой и страданиями. И эта независимость и свобода мысли были ее гордостью.

Тем с большим недоумением, читаешь теперь документ московского общества бывших политкаторжан. В этом обществе находится Вера Фигнер, Петр Сазин и ряд других ветеранов русского революционного движения. Трудно допустить мысль, чтобы они, да и всякий иной политкаторжанин, мало мальски знакомый с историей революционного движения в России, были солидарны с содержанием и тоном этого документа. Или документ принят потому, что этого хотело и требовало ГПУ? С этим предположением еще менее может мириться наша мысль. Неужели целая плеяда героических борцов русской революции, десятилетиями мучившаяся в царских застенках, для того вышла на волю, чтобы холопствовать перед новым насильником пролетарской совести — перед большевистской чекой? Стоило ли ради этого жертвовать молодыми годами, обрекать себя страданиям заточения на царской каторге?

Русские анархисты вправе ждать от членов московского общества бывших политкаторжан подробного об'яснения их необычайного поступка. Мы уверены, что не все члены общества солидарны с документом и ответственны за него. Если это на самом деле так, то тем более, во имя славного прошлого каторги и великой будущности соц. революции, необходимы об'яснения лиц, не солидарных с документом, но пока что несущих за него ответственность.

П. АРШИНОВ

Общему собранию об-ва бывш. полит-каторжан и ссыльно-поселенцев *)

Бывшие политкаторжане и ссыльно-поселенцы, принадлежащие к разным партиям, группировкам и направлениям, об'единились в одно неразрывно целое общество, воодушевленное в сущности, единой общей целью, единой идеей создать и понести миру от края до края подлинную историю кровавого прошлого и героической борьбы с ним, — дать ту истинно правдивую историю революционного движения прошлого, какую еще не ведал мир и на какую правомочны только прямые носители его, отдавшие этому движению молодость, свободу, всегда готовые понести и жизнь.

Вот фундамент, основание и цель, об'единившая в одно целое разномыслящих, разнопартийных членов общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Основной принцип общества, по самой сущности своей, по заданиям и по составу — строгая аполитич-

*) *Настоящее заявление т.т. Ольги Таратуты и Анастасии Галаевой было сделано в 1924 г. Ввиду того, что оно было почти неизвестно политическому миру редакция Дела Труда сочла нужным напечатать его теперь вновь.*

ность. Мы об'единились для воссоздания *прошлого*. Как мыслит себе каждый в отдельности член общества *настоящее*, приемлет он его или не приемлет, это его личное дело и дело лично с ним за стеной общества господствующей власти в лице его исполнительных органов; *за стеной общества — отнюдь не в стенах его*.

Всякая попытка вводить в общество политический элемент сегодняшнего дня, с чьей бы стороны она не делалась, должна была изгоняться беспощадно, ибо этим нарушается принцип аполитичности, нарушается солидарность общества и дезорганизуется работа, которой — место свято.

На таких и только на таких началах основывалось общество, и только при таких условиях существование общества могло сохранить свою об'ективно-историческую ценность.

На практике оказалось, что члены господствующей ныне партии коммунистов-большевиков, входящие частью в общество, думают об об'ективной ценности истории иначе.

В погоне за средствами для укрепления своего господства в настоящее время они забыли о цели будущего.

Чувствуя себя господами положения, они явочным порядком провели свою политику в стены аполитичного общества. Систематически, постепенно насильственным путем они превратили общество в отделение Р. К. П., морально насилуя этим членов общества инакомыслящих.

Я отказываюсь состоять членом общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, которое по воле власть имущих, превратилось в отделение Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, в стенах которого вербуются и рекомендуются члены Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое, игнорируя инакомыслящих членов своих, морально их насилуя, шлет приветственные телеграммы Третьему Интернационалу.

Я отказываюсь быть в обществе, от членов которого требуют всем составом войти в Мопр.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое исключает из своей среды бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, осужденных за политические убеждения существующей властью и горячо протестую против этого параграфа в уставе.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое разделилось на господ и рабов — первые декретивным насильственным путем проводят свои политические, чуждые обществу цели, вторые по мотивам, во всяком случае не революционным, глухо ропщут, подчиняются им.

Позор насилующим и насилуемым!

Членам общества коммунистам хочу еще раз напомнить, что в погоне за средствам утверждения себя сегодня они забыли о завтрашнем дне.

История делается не только ими, хоть они и пытаются узурпировать ее, и не кончается история на них, хоть и гарцуют они на коне победителями.

Далекой, но яркой звездой, то тускнея за тучами, то вновь появляясь, великая революция придет и к нам и победная придет.

Воскреснет вновь задохшаяся в тисках партийности идея об обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев в первоначальной своей красе и шири.

Вновь зазвенит живой мощный голос подлинной истории революционного движения в прошлом. К страницам прошлого история отнесет и наши дни. Отмечено историей будет и возникновение и духовная смерть нашего общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Печатью каинов будут отмечены коммунисты, члены общества, каинов-убийц моральных, лучших товарищей своих по оружию в борьбе с врагами революции вчера и в борьбе за грядущее завтра...

Бывшая политкаторжанка анархистка
ОЛЬГА ТАРАТУТА.

Целиком присоединяюсь к заявлению т. Таратуты, выхожу из общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев и прошу исключить меня из списка получающих пенсию.

АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВА
(Голова)

К 7-ой годовщине Кронштадта

Два года назад, к 5-ой годовщине разгрома Кронштадта, нам пришлось отмечать на стр. Д. Тр. значение Кронштадтского восстания, как последнего отзвука Октября.

С каждой последующей годовщиной значение Кронштадтского взрыва вырисовывается все яснее, все рельефнее становится политическая мудрость безымянных кронштадтских революционеров.

Из тех, кто руководил подавлением Кронштадта, из вождей и из рядовых, не один теперь коротает свое время в Сибирской тайге и в Закаспийских степях.

Может теперь, вдали от столичного шума им зачастую будет вспоминать тех, кто пал жертвой их так обильно сыпавшихся снарядов (см. в «Правде» описание Дыбенко взятия Кронштадта), тех, кто действительно стоял на позициях Октября.

Теперь, еще раз присматриваясь к резолюциям, вынесенным 1 марта 1921 г. на общем собрании 1 и 2 эскадры балтфлота, — приходится только удивляться их революционной выдержанности. Положительно нет ни одного пункта, под которым мы, да и весь рабочий класс СССР, не подписались бы сейчас. Здесь затронуты

все те наиболее важные вопросы, которые уже тогда были самыми наболевшими для трудовой России.

Тут и требование свободы слова, печати, собрания и организации *для рабочих и крестьян* (трудовых крестьян, а не кулаков, которых к тому время и в помине уже и еще не было. Это только после победы над революционным Кронштадтом Бухарины получили возможность распоясаться и кричать кулакам «обогащайтесь!»).

Тут и требования перевыборов в советы, *закрытым* голосованием. Мы знаем, что по сию пору русский рабочий класс фактически не может распоряжаться своим избирательным правом по причине существующего в СССР открытого голосования, позволяющего ГПУ беспрепятственно «наблюдать» избирателя. Открытое голосование теперь страшное оружие в руках правящих элементов, которые могут таким путем оказывать экономическое и административное воздействие на русского рабочего.

Кронштадт уже тогда это понял и требовал *закрытого* голосования.

Кронштадт требовал освобождения политических заключенных, как членов социалистических партий, (глав. обр. левых), так и беспартийных рабочих, крестьян, солдат и матросов, арестованных в связи с участием их в революционном движении.

Теперь когда в тюрьмах и ссылках СССР находятся кроме тех, кто уже преследовался к 1921 г., еще и тысячи коммунистов-оппозиционеров и беспартийных революционеров рабочих — теперь этот лозунг находит самый горячий отзвук как во всей трудовой России, так и в наиболее сознательной части западного пролетариата.

Далее Кронштадт требовал уничтожения привилегий для компартии и прекращения субсидирования ее из государственных средств.

Это последнее требование оказалось особенно политически дальновидным: действительно, бесконтрольно пользуясь трудовыми средствами, компартия (а главным образом верхи ее) могли только усугубить свою диктаторскую роль над пролетариатом и тем разбить его революционную мощь. Кроме того, русская казна, составленная из прибавочной стоимости русского рабочего, помогла подкупить и развратить разных «вождей» и «друзей» вне России. Эта проблема теперь остро стоит во всех странах, где Коминтерн распространяет свое влияние и путем коррупции втягивает в свои ряды разных политических проходимцев и ставит под угрозу общее благополучие революционного движения во всем мире.

Ссыльные вожди ВКП обратились с последней надеждой через голову ВКП к Коминтерну. Призыв этот по всей вероятности будет тщетный, ибо Коминтерн, субсидируемой русской казной, безмолвен и безжизнен.

Остается последний лозунг Кронштадта, который большевики подхватили и на нем строили обвинение Кронштадта в контр-революции. Это было требование уничтожения заградительных отрядов и свободы хозяйствования для крестьян, не пользующихся наемным трудом.

Но ведь политика заградительных отрядов была признана ошибочной и вредной немного позже и самими большевиками. Большинство ВКП теперь в борьбе с оппозицией упрекало последнюю в том, что она толкает СССР к военному коммунизму и к заградительным отрядам. Заградительные отряды *сейчас безусловно осуждаются*, почему же кронштадские матросы должны были за этот лозунг заплатить своей жизнью?

А требование свободы хозяйствования для трудового, не пользующегося наемным трудом крестьянства — кто теперь поверит обвинению в контр-революционности этого лозунга, да еще, когда это обвинение исходит из уст большевиков, после того, как по соображениям финансово-экономическим, да и политическим, сами большевики максимально помогли расслоению деревни!

За что заплатил своей кровью Кронштадт?! За то, что сделал последнее усилие выправить революционный фронт, за то, что, предвидя контр-революционный термидор большевистской диктатуры, он, всегда готовый на прямое революционное действие, хотел остатками сил повернуть колесо истории *обратно, назад, к Октябрю*.

Кронштадт пал, за ним через 7 лет пали многие из его усмирителей, которые спохватились, но... слишком поздно.

Но русский пролетариат еще таит в себе революционную энергию и еще безусловно сам попытается повернуть *назад* к Октябрю.

Кронштадт всегда будет служить ему революционным примером.

И. МЕТТ.

О „Командных высотах" большевиков

В жизни советской фабрики фигура «хозяйчика» все более выдвигается на первый план. Сведения о том, что правление фабрики заметно наглеет и все бесцеремоннее обращается с рабочими, все чаще появляются в печати. Об этом также недавно сообщал из Москвы корреспондент «Соц. Вестника» в связи с производственными конференциями. «Хозяйственник» с трибуны укоряет рабочих в прогулах, в недостаточной интенсивности труда и т. д. Словом, хозяйчик себя начинает вести настоящим хозяином.

Вопрос о том, что делается на советской фабрике, заслуживает самого тщательного изучения. Введя нэп, введя капиталистические отношения и свободный рынок в деревню и в мелкую и среднюю промышленность,

большевики, однако, с гордостью заявляли, что оставляют за собой «командные высоты», т. е. крупную промышленность, которая и станет «оплотом социализма».

Присматриваясь же к устройству этого «оплота социализма», мы наталкиваемся только на капиталистическое хозяйство, отличающееся от других капиталистических хозяйств тем, что хозяином его является государство. Можно было бы еще сомневаться в природе советской промышленности, если бы существовала строгая плановость и если бы эта промышленность ставила своей первой задачей *удовлетворение нужд потребителей*, и таким образом безпорядочному хозяйничанью отдельных капиталистов, цель которых нажива, противоставляла бы социалистические принципы. Однако, в законе о трестах, задачи последних определяются совершенно ясно: тресты (т. е. одна или несколько сообща работающих фабрик) должны работать *на началах коммерческого рассчета, в целях извлечения прибыли*.

Итак, «боевая задача социалистического сектора» промышленности такая же, как и всякого капиталиста: нажива. Даже торговые отношения между двумя государственными предприятиями, двумя «оплотами социализма» регламентируются в капиталистическом духе. Продающий трест должен назначить цены, содержащие себестоимость плюс *средняя прибыль*. Отсутствие плановости же подтверждается тем фактом, что трест является тем фактом, что трест является по советскому закону отдельным «юридическим лицом», т.е. имеет право без какого либо разрешения высших планирующих и контрольных органов, как СТО и ВСНХ продавать товары и покупать сырье, заключать всевозможные сделки — словом имеет полную хозяйственную свободу.

В такой государственной промышленности, живущей ради наживы, капиталистический дух должен был неминуемо отразиться и на внутренней организации этих «командных высот» большевиков. И действительно: организация треста ничем не отличается от организации акционерного общества. Только в последнем капитал вкладывается отдельными акционерами-капиталистами, а в трест его вносит государство. Затем, как известно, во главе акционерного общества стоит правление, состоящее из директоров, *получающих тантьему* (т. е. процентное отчисление от прибыли) и таким образом *заинтересованных материально* в выручке наибольших прибылей за проданные фабрикаты. Такое же правление, состоящее из «красных директоров» и спецов управляет трестами. Прибыль, получаемая на «социалистических» предприятиях, распределяется согласно советской инструкции следующим образом: часть идет государству (в буржуазных предприятиях эта часть идет акционерам, вложившим в дело свой капитал) и часть на увеличение основного капитала; дальше идут: *тантьемы правлению* и, наконец, наградные служащим и рабочим. Словом и распределение точно такое же, как в капиталистических акционерных обществах.

Таким образом, как и в акционерном обществе, хозяйчики советских фабрик, «красные директора» и спецы *материально заинтересованы* в возможно большей выколачивании труда на рабочих, в возможно меньшей заработной плате для рабочих — ибо все это, понижая стоимость товара, увеличивает прибыль и вместе с тем и их тантьему. И так как, благодаря отсутствию конкуренции, прибыль эта достигает иногда 100% и больше, то и «хозяйчики» всё больше и больше обогащаются. Создается новый класс, класс капиталистов-трестовиков, новых буржуев, называемых «красными директорами» с партийным билетом в кармане и работающих рука об руку со спецами, этими уцелевшими осколками старой буржуазии. Амальгама, которая получается от этого смешения бывших и большевистских капиталистов в один класс, обещает стать буржуазией более хищной и более жестокой в борьбе с рабочим классом, чем были дореволюционные капиталисты.

И вот эти то «хозяйчики» сейчас поднимают голову. Ободренные разгромом октябрьских завоеваний пролетариата, учиненном интеллигентской партией ВКП, они почуяли, что наступает праздничек на их улице. Оппозиция, которая в свое время тоже не мало поработала для этого разгрома, вздумала, было, противиться ею же созданному капиталистическому режиму трестовиков и хозяйственников, но была безцеремонно выброшена из рядов ВКП. Были брошены в тюрьмы сотни и тысячи рядовых рабочих коммунистов или сосланы в ссылку. Однако, чтобы успокоить взволнованные разоблачением буржуазной сущности большевистского хозяйства, сталинцы пошли на уступку. В законе от 29 июля 1927 г. о трестах, прежняя формула о том, что трест работает *на началах коммерческого рассчета с целью извлечения прибыли*, фигурирует в нужном виде, а именно: «с целью извлечения прибыли» выпали. Думает ли ВКП таким образом добиться того, чтобы «овцы остались целы»? Во всяком случае о том, чтобы «волки были сыты», она позаботилась более реальным образом, тантьемами.

Урок, который рабочий класс должен извлечь из факта, что ВКП своими «социалистическими ризами» прикрывает новых буржуев-трестовиков и настоящую цель «командных высот», — наживу, может быть только борьба с правлениями на фабриках и заводах. Для этой борьбы с поднявшими голову «хозяйчиками» необходима вся местная организация фабрично-заводских комитетов, свободно избранных, без вмешательства партии и ГПУ; ибо существующие сейчас фабричные организации являются только орудием «хозяйчиков». И в этой борьбе на фабрике анархо-коммунисты должны будут и станут верными товарищами рабочих против новой нарождающейся «красной» буржуазии.

Я. Двинский.

Крестьянство и большевики

На заре своей истории крестьянство определилось, как класс тружеников, занятых на земле вырабатыванием сырой продукции. Проследивши историю социальной жизни человечества, не трудно заметить, какую великую роль играл в ней в прошлом и играет в настоящем труд крестьянства. Однако, история эта не знает того, чтобы крестьянство, как таковое, составляло из себя единую трудовую классовую целость на подобие городских тружеников-пролетариев.

И это понятно. Крестьянство не едино. Крестьянство в основном делится на две центральные группы. Одна из них находится всегда в ничтожном меньшинстве, но, пользуясь экономическими привилегиями, она обладает через это большой политической силой в повседневной жизни. Вторая группа вмещает в себя всю остальную большую часть крестьянства. Будучи бесправной политически и стесненной в земельном отношении, эта часть проводит свою жизнь в тяжелой зависимости не только от государства и от помещика, но и от этого ничтожного крестьянского привилегированного меньшинства.

Но и группа большинства в крестьянстве делится на несколько категорий — на крестьян имущих, *малоимущих, бедняков и батраков.*

Здесь мы дадим определение крестьянства, каким оно было в дореволюционное время и каким после десяти лет революции большевики вновь его делают.

Под богачами понимаются крестьяне, кот. помимо того, что получили себе из общественно-земельного фонда подушный или подворный надел земли, приобретают таковую обыкновенно еще в аренду или совсем покупают в собственность и обрабатывают ее с помощью или совсем за счет наемного труда батраков. Эта группа крестьян-богачей считается в остальной крестьянской массе людьми, развращенными буржуазным стремлением наживаться за счет чужого труда и она зовется «кулаками» или «буржуями» (смотря в какой местности и какое из этих двух слов ранее начало употребляться).

Под имущими (середняками) понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного земельного фонда подушный или подворный надел земли и, не прибегая к чужому наемному труду, обрабатывают ее самостоятельно силами своей семьи, своими лошадьми или быками и своим сельско-хозяйственным орудием.

Под малоимущими понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда подушный или подворный надел земли, но который не имеют у себя в наличии достаточного количества лошадей или быков, а также своего сельско-хозяйственного инвентаря — и потому не могущие сами самостоятельно ее обрабатывать. Они обыкновенно засевают свои наделы и свозят посевы с них со своими супрягами соседями.

Под бедняками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но обрабатывать его самостоятельно своими силами и средствами или со своими соседями супрягами не могут. У них или не было лошадей или были и подохли, а купить их до следующего урожая не за что. Или прошедший год был неурожайный, что делает общественную помощь для них уже недостаточной, чтобы вынести новые посевы. А это последнее обстоятельство в жизни хлебопашцев принуждает их продавать последнюю десятину-другую, землю отдавать в аренду богачу-кулаку за деньги или с половины и идти к помещику или к тому же кулаку на известные сроки в батраки.

Под батраками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но сами его, обыкновенно не обрабатывают, а сдают в аренду за деньги или с половины или даже с третьего снопа крестьянам-кулакам, а сами служат у помещиков или из года в год всегда, или же подобно крестьянам-беднякам — известные сроки в году.

Правда, в русско-украинской действительности встречаются и такие крестьяне-батраки, которые сами не обрабатывают своих наделов, а предпочитают отдавать их в аренду, а самим проводить свою жизнь в батрачестве; они в процентном отношении не значительны. Их поддерживает на этом ложном пути не только нужда, но и невежество, в силу которого они, по примеру своих предков, мало когда даже думают о том, чтобы освободиться когда-либо от своего позорного батрацкого положения. Они остаются в нем из года в год и так всю жизнь свою, приучая и приспособляя себя и своих детей к положению батрацкой жизни, считая ее в рамках настоящего времени наиболее выгодным в смысле обеспечения своего личного и своей семьи существования. В борьбе крестьянства за землю, за хлеб и волю эта категория батраков не играет значительной роли; несмотря на то, что она в особо острые моменты этой борьбы склонна менять свою рабскую психологию и как будто сознавать то, кто ее прямой враг, в пользу кого и против кого она должна действовать, однако, и при таком состоянии она чаще всего остается нейтральной, не проявляя своей активности вплоть до определенного торжества какой-либо из борющихся сторон.

Вековая борьба крестьянства таким образом ведется в действительности силами упомянутых выше категорий, т. е. она ведется крестьянами имущими, *малоимущими, бедняками и батраками.* Эти труженики земли, осознали причины своего неравенства и бесправия, причины того, что помещик и кулак, осев на всенародной земле, присвоили ее в свою собственность и благодаря этому пользуются трудом мало-имущих и батраков. Эта группа крестьянства экономически и психологически об'единена в своих вековых чаяниях освободиться от власти имущего буржуазного класса и стать полноправными членами свободного общества тружеников.

И с этой стороны, на этом пути крестьянство всегда считало своим союзником тружеников города. Отношение к труженикам города у крестьянства менялось тогда, когда городские рабочие подпадали под влияние политических партий, натравливавших их на крестьян, как на «буржуев» и когда труженики города принимали эту травлю политиканов за основу своих отношений к крестьянству.

Как известно, все почти соц. партии отождествляют крестьянство с мелкой буржуазией и на этом основании стремятся опролетаризировать его.

Более неверного положения, как подобное определение крестьянства и более неумного стремления, как желание сделать его бедняком — представить себе трудно. Но, нужно сказать правду, многие социалисты государственники его все-таки желают, а большевики пытались даже практически осуществить это положение в ходе русской революции, и основываясь на нем, создать мыслимый ими казарменный коммунизм. Мы знаем, что их попытки привели революцию в тупик и хозяйственно задушили ее и усилили батрачество.

В самом деле, батраки-крестьяне существовали в России и на Украине и при царско-помещичьем самодержавии, существуют они там и теперь при самодержавии Ц. К. большевиков. Десять лет политического, духовного, физического и всякого иного господства большевиков вместе с их усердными спецами не только не упразднили там батрачества, но наоборот, возродили его — после заметного падения его в первые месяцы октябрьской революции, сделали основой нэпа в деревне. Царско-помещичье государство держалось на политике расслоения крестьянства и поощряло его. Этой же политике расслоения крестьянства держатся и большевики. Для сохранения своей власти они нуждаются в кулаках и в батраках. Вот почему они все время боролись и борятся с тенденциями крестьянства изжить расслоения, дабы установить общее трудовое равноправие и независимость.

Эта политика большевистской партии, которая ложно выдает свою власть за диктатуру пролетариата, все время терпит крах. Теперь, после провалившегося опыта этой власти организовать без крестьянства, через диктатуру пролетариата — социализм в стране, должно стать ясным, что к крестьянской проблеме относиться легкомысленно нельзя, что нельзя пользоваться крестьянством в разрушительном фазисе революции и в то же время не признавать за ним политических и экономических прав в строительстве нового общества. Это не оправдывается не только моральными, но и хозяйственными целями коммунизма, даже казарменного, большевистского. Правда, большевики не хотят сознать того, что государство и диктатура в революции убивают творческие силы крестьянства, без которых нет пути для утверждения социализма, — глубоко осознать это важно и для большевиков и для всех других социалистов и революционеров. Крестьянство не думает внемлить вождям большевистской партии и итти в сторону «самоликвидации».

Оно самоутверждается в жизни нашего времени, — это факт довольно внушительный. Он в аграрных странах не сегодня завтра приведет крестьянство на первое место среди равных тружеников; именно, среди равных, ибо у крестьянства нет стремления к властвованию над городом. Крестьянство этим ядом не отравлено еще. В большинстве своем крестьянство экономически и социально стремилось в прошлом и стремится и теперь к тому, чтобы стать в своей жизни свободным и независимым от каких бы то ни было властников. Этим отчасти и об'ясняется его вражда к властнически относящемуся к нему городу — с одной стороны, и его любовь к земле, чтобы земля в подлинном смысле, не на словах, а на деле была общественным достоянием. Когда земля будет принадлежать всему народу и никому в отдельности—по мнению крестьянства, это явится лучшим охранителем их прав от всякого рода собственников земли и слуг этих последних — чиновников государства.

Но это то, чего большевики, следующие за мало убедительными для нашего времени доктринерскими формулами Маркса и Энгельса о концентрации капитала и земли — не могут признать. Они боятся крестьянства с той стороны, что торжество его в практической жизни естественно потребует упразднения государства и только поэтому они ложно отыскивают в этом стремлении крестьянства, то контр-революционность, то несогласованность с задачами революции и их «миссией» в ней. А это привело их к тому, что они сознательно уж не делают в своем царстве того, чтобы крестьянство изжило в своей среде антисоциальные буржуазные тенденции кулацкой группы. Они, большевики, в интересах сохранения государства и своей партийной власти в нем, пошли в крестьянском вопросе против интересов революции. Они группу кулаков в крестьянстве приняли за «крепких мужичков» и, начиная с начала 1921 года всячески поощряют ее рост разными льготами — вплоть до назначений премий (см. дополнительную инструкцию по земельному вопросу, изд. сов. правительством за два месяца до введения нэпа, в марте 1921 г.), не задумавшись над тем, насколько [illegible] их отношение к решению крестьянской проблемы вредно для организации коммунистического хозяйства. Грандиозное дело построения свободного общества трудящихся требует напряжения социальных и умственных сил всех слоев городского и деревенского пролетариата, как тружеников фабрик, так и тружеников земли, тружеников, работающих под землей, тружеников транспорта, не исключая и персонала особенно квалифицированного умственного труда. Но эта классовая самодеятельность трудящихся исключает власть партийной диктатуры, во имя которой большевики заменили цели [illegible] ими социализма средствами государства и привилегиями, олицетворяющего его меньшинства.

Это обстоятельство в жизни и царствовании большевиков и поставило их, мыслящих, хотя и не серьезно, когда-то о коммунизме, на антикоммунистический путь. Отсюда они логически дошли до поворота к капитализ-

му. И они начали этот свой поворот к нему организованно, делая вид, будто они принуждены это делать силою внешних условий и обстоятельств. И начали это свое антиреволюционное дело за счет революции, об'являя всякое самостоятельное революционное начинание крестьян и рабочих контр-революцией и стремясь при этом скорее покончить не только с этими самостоятельными начинаниями крестьян и рабочих, но с идеями Октября вообще.

И нужно сказать правду, успехи большевиков в развитии своей партийной контр-революции были велики и «положительны»: практическую связь с идеями Октября они порвали. Революционных крестьян и рабочих, противившихся этому их делу, об'явили контр-революционерами, сами, закрепившись на рельсах самими же созданной контр-революции, покатились по ним прямо к капитализму.

То обстоятельство, что большевики взялись старыми государственническими методами и средствами создавать новые формы социально-общественной жизни, переродило их революционную психологию в контр-революционную, убило в них сознание революционной ответственности за судьбу революции, социальный характер которой особо ярко выявлялся самими массами в октябре 17 г. с повторением его в ряде лет.

Встав на путь властнического и капиталистического строительства, неоднократно обманув и предав массы, доверившиеся им, большевики отрезали себе всякую возможность служения социальной революции и скоро стали ее фактическими палачами. Они воспрепятствовали тому, чтобы массы взяли своевременно судьбу революции в свои руки и произвели полную коммунизацию земли, индустрии и ее продукции. Это последнее не только усилило бы мощь русских рабочих и крестьян, но и укрепило бы самый путь развития и защиты социальной революции во всеевропейском масштабе.

Но вместо этого большевики силою власти прервали естественный ход революции и этим поставили два основных класса — рабочих и особенно крестьян — во враждебное к себе отношение.

Крестьянство, сыгравшее столь красную роль в решительном фазисе революции, впало в недоверие к официальному ее вождю — партии большевиков и в последующих фазах революции находилось во враждебных отношениях с этим «вождем» и даже в борьбе с ним, не взирая на свою недостаточную организованность для такого акта, ни на чрезмерную усталость от борьбы с внешними контр-революционными силами, ни даже на то, что всякая неудача его в этом революционном намерении будет об'явлена контр-революционным выступлением и всячески будет клеймиться.

Революционное крестьянство оказалось разбитым государственным аппаратом большевиков. Но разве мы не видим, какими жалкими и ничтожными оказались, наряду со всякого рода государственниками и большевики, которые в бюрократическом порядке взялись за разрешение социальной проблемы в жизни трудящихся? Они на всех парах катятся теперь к капитализму и тянут к нему всю революционную Россию, лицемерно уверяя всех, что социализм невозможен в России благодаря контр-революционности крестьянства. Ложь! Большевики погубили русскую революцию как раз тем, что сознательно и организованно раздавили революционное крестьянство, которое стремилось к классовой свободе, независимости и безвластию.

Н. МАХНО.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

I

Дорогой друг!

Нечего и говорить тебе, что живем здесь как в цветном кинематографе. Каждый день узнаешь что-нибудь новое. Воды немного успокоились после последней [illegible] среди различных оппозиций: как вдруг позавчера узнаем, что Вуйович получил распоряжение выехать в течении 3 дней к Белому морю в ссылку; вчера утром такие же распоряжения получили семь других, затем пятнадцать, затем 30, из которых 20 сапроновцев. Кроме того есть арестованные, среди которых бывшая жена Пятакова, который тоже повидимому будет включен в число высылаемых, которым только и остается держать путь на Север.

Для некоторых из них положение действительно не блестящее, в частности для тех из них, которые не думают отказываться от своих принципов. С несколькими рублями в месяц в Сибири после привычки к власти, это выходит довольно горьким лекарством. Поскольку им было больно за нас, столько же мне было больно за них. И затем разве у нас хватит времени, слез и средств, чтобы делить с ними? Нехватает слез для наших! Конечно, в общем и целом рабочий класс ничего не выигрывает от стольких расколов, но что делать, раз причины этих расколов [illegible] и ничего путного не возможно в будущем, не пройдя через теперешнее критическое время?

А жизнь продолжает свой обычный ход, все проходят, и газетные кампании, и лозунги, и манифесты, и приказы, и декреты и все же суть остается та же. Можно отметить прогресс, поскольку прогресс возможен во всяком человеческом обществе в мирный период. И если рассматривать как прогресс великий новый фазис жизни в ее различных формах, то можно даже остаться довольным, как Ромэн-Роллан, даже без [illegible] державки книги Мальпан, в которой лишь фантастическое изображение деревни, тщательно расписанной

для крестьян поэтов в Италии, «которым (Слова Мильоли) нужен энтузиазм», как хорошая картина Компанцеллы.

Я уже писал тебе, что ушел из фабрики, действительно не имея больше сил там держаться. Вот тебе другие подробности.

3 месяца был без работы. Обстановка Биржи Труда меня душила; массы безработных увеличиваются с поразительной быстротой; помещения тесны; служащих не хватает; методы организации биржи отображают методы всей страны, созданные как будто для того, чтобы все осложнять.

Преобладающее настроение, подавленность по всей линии, рабочий не горд своим трудом; без средст производства он превращен в нищего и даже когда он протестует, он всегда ниже своей социальной роли. Я говорю, понятно, о большинстве.

Нашел было временную работу у частника; у него 5 рабочих, маленькое помещение, скверное оборудование; хозяин скупой, мелкий буржуй душой и телом, хитрый и подозрительный; меняет рабочих каждые две, три недели, чтобы не быть принужденным выплачивать налоги и страхование, пока ему не попадет какой-нибудь дурак из деревни или из нищих, неразвитой или подлый, который сговорится с ним, чтобы обойти кодекс о труде.

Я очень забавлялся в этой дыре, устраивая скандалы своему хозяину. Хорошо платят, однако, частники; нормы более мягки.

Вернулся на Биржу, еще раз месяц без работы; на на 26 руб. в месяц (1-я категория); наконец, после усиленных поисков по моей специальности попал на большую фабрику с более чем 1000 рабочих «Металлоламп». Заполнил анкету, представил бумаги, прошел медицинский осмотр. На следующий день появляюсь в мастерской. Большая радость; много товарищей, с которыми уже работал; хорошо приняли. Спрашиваю: как живется здесь? «Душат» отвечают. Сразу вижу, что это верно по ходу работы. Расценки вычислены гнусным образом, беспорядок в цеху; мало чистоты; раздеваемся в углу мастерской; кругом ящики, сырье, масло, пыль ..., одежду вешаем на гвозди, одну на другой. Начинаю работать. Один друг приходит помогать; работа не идет; подходит другой, получше; наконец, понял; дело налаживается; первые части выходят худо; лучше через час, совсем хорошо вечером; считаю сколько: 150 штук; 1 р. 20 к. за сотню; мне говорят, что можно отработать 500 штук за день. На следующий день вырабатываю 300, но не мог больше стоять на ногах. Спрашиваю у старого рабочего, занятого на той же работе: он мне говорит 400 в день; но если что-либо не ладится утром, то никак не нагнать после обеда. И он мне об,ясняет: «Год тому назад рабочему давали 4 рубля за сотню, затем 3.50, затем 3, затем 2, чтобы дойти до 1 р.20 ; ни малейшего улучшения в оборудовании; придушивая рабочего, дошли до такого увеличения выработки; среди множества рабочих всегда найдется один какой-нибудь, который перешагнет через норму, взаимно установленную рабочими явочным порядком; возможно, что расценки еще понизят при будущем коллективном договоре. Старая история, здесь все земляки. Фабрика вырабатывает миллионы барышей ежегодно. Кто их видал? Они поглощаются бюрократией, а рабочим не дают даже раздевальни!

Полчаса времени на обед; столовая на фабрике, в маленькой комнате; очередь перед кассой, очередь за супом, (первое блюдо), очередь за вторым, очередь за стулом, и с затратой времени, чтобы вымыть руки, которых никак не отмоешь, так они вымазаны маслом, можешь себе представить, какое здесь пищеварение! Пища переносимая; за 40 копеек можно быть довольным; но есть рабочие, которые предпочитают есть в мастерской кусок хлеба с сыром, сидя на земле в кругу; чувствуешь себя среди равных; здесь ругаются, проклинают, говорят о политике, растянувшись в грязи недалеко от уборной.

Парте,езд еще близок; говорят об оппозиции; общее сочувствие к ней потому, что она оппозиция; никто не знает, однако, чего она требует. Начинают с оппозиции, а кончают расценками, деревенскими делами, налогами, ценами сырья; с самым большим усилием вспоминается, как жизнь дешева была до революции и как дорога она теперь.

Есть один коммунист в цеху; рабочий довольно симпатичный, не очень сильный в своем ремесле; некоторые именно этим и об'ясняют его вступление в партию, что он так хотел найти себе защиту. Он не более образован, чем остальные; читает, как и другие, либо «Раб. Газету», либо «Раб. Москву» и притом всегда прежде всего деревенскую или судебную хронику, которая действительно интересна; он прост и умен, как большинство русских рабочих, но его отношения к другим рабочим не выходят ни простыми, ни искренними. Революционный рабочий на буржуазной фабрике — центр всех жалоб, всех протестов, всех страстей, затрагивающих рабочих; здесь коммуниста избегают, боятся, иногда уважают, но никогда не любят. Все знают, что донос это их долг; самая азиатская хитрость пускается в ход, чтобы не выдать больше того, что общее мнение признает допустимым.

«Что ты думаешь о мастере», спрашиваю я у одного рабочего, который питает доверие ко мне: «ничего, только пока он был рабочим, был вместе с нами, поддерживал расценки; теперь делает все возможное, чтобы снизить их», ; другой добавляет: «он заинтересован в их понижении». Он член партии, молодой, симпатичный. Через несколько дней говорю ему, что не могу выдержать этих расценок душегубов, что ухожу; он меня одобряет, говорит, что таково первое впечатление у всех, что привыкну; мало по малу он меня убеждает, с одной стороны меня страшит Биржа Труда; с другой стороны рабочая среда все же наиболее интересная в России.

Работаю, работаю, не глядя ни на кого; но мне подходит друг; говорит, что инженер крутится по мастерской с хронометром в руке, проверяя нормы, говорит

мие уменьшить скорость работы, все так делают и через несколько минут сотня рабочих оповещена

Вечером после получки ухожу с шестью старыми рабочими в чайную; с нерешительностью они покупают бутылку водки, прячут ее, так как пить запрещено в ресторанах низшего разряда; заказывают порцию рыбы с картошкой и чай, едят все из одной миски, забыв о гигиене; настроение приподнялось; перед тем как есть потихоньку налили себе водки, питье, что жжет внутренности и разбивает мозги, едят с удовольствием; и говорят, говорят, понижая голос, когда разговор становится щекотливым, прищуривая глаза

Нас шесть, разные типы, все хорошие мастеровые; здесь и рабочий крестьянин, и чистый пролетарий, тот, который любит выступать на собраниях, у которого сызмала страсть всегда защищать без боязни интересы рабочих, первый рассказывает, что на заводе повсюду «волокита», что уже несколько месяцев не созывается общее собрание, другой перечисляет все заводы, что пришлось покинуть из-за защиты рабочих, чистый пролетарий тайно сообщает, что такой то безработный, известный в цеху, не очень то ищет работы, так как у него на дому драгоценности, скрытые во время реквизиций первых времен революции. За два часа проходит десяток нищих; выпито десяток стаканов чая, затронуты всякие предметы религиозные и по[illegible] коллективные и частные, правственные и [illegible] но никогда не полити[illegible]

II

Нам пишут из Москвы:

Была забастовка на заводе сель[illegible] машин в «Люберецке», был выброшен [illegible]

[illegible]

Тогда Ми[illegible] человек, [illegible] сверх того он имел в виду [illegible] которому он хотел показать [illegible] влекательном виде; в конечн[illegible] ке; он сносился посредств[illegible]

„Дружеский" совет

Нам пишут: После почти десятилетнего молчания и паралича, в которые большевистская власть вогнала анархическую мысль в СССР, часть русских анархистов задумала, было, заняться подготовкой истории анархической мысли и анархического движения. Зная, сколь невозможно в СССР заниматься какой бы то ни было общественной деятельностью, имеющей хотя бы отдаленное отношение к политике, наши товарищи сразу же ограничили себя вполне определенными, крайне узкими заданиями, — посвятить свои силы истории анархической мысли, дабы восстановить и сохранить связь между отдельными этапами этой мысли. Согласно намеченной цели, общество должно было именоваться «Группой по изучению истории анархизма».

В ее цели и в план ее работ входило. — «Собирание архива движения. Опубликование материалов по истории анархизма. Опубликование материалов по истории анархической мысли в [illegible] графий и подготовка [illegible] анархизма, особенно в Рос[illegible] ва. Создание ряда моногр[illegible] СССР. Подготовка биографи[illegible]

[illegible]

порядке информировали о [illegible] большевистских вельмож, [illegible] ми анархистов по подпол[illegible]

Ответ получился классич[illegible] всем своим обществом [illegible] образом не подымайте [illegible]

После такого «товарищеск[illegible] мание наших т-щей в СССР [illegible] положено под спуд

Кампания в защиту заключенных революционеров в СССР

[illegible] у русских заключенных нами всег[illegible]

[illegible] системы, того создавшегося правопорядка и общественного строя, которые позволили в революцион[illegible]

[illegible] понимая нашу задачу, мы обдумывали и органи[illegible]

[illegible]

т. е. революционеров, борющихся за идеи и дела Октября.

Кампания ведется нами совместно и при полной моральной и политической поддержке Анархо-коммунистического Униона Франции и некоторых местных автономных профсоюзов.

Начата была кампания анкетой, разосланной к разного рода левым политическим деятелям, писателям русским и иностранным (из русских никто не ответил кроме об-ва бывших политкаторжан), а также разным синдикатам и политическим организациям.

Во второй план входила организация целого ряда митингов, в которых предполагалось дать политико-экономическую и правовую картину жизни русского рабочего и дать понять, что репрессии против революционеров, борющихся за идеи Октября, т.е. анархистов, синдикалистов, левых народников и оппозиционных коммунистов, также как и против беспартийных рабочих революционеров, не есть случайность и необдуманность, а следствие определенной позиции по отношению к Октябрю, на которую стала правящая интелигентская верхушка.

Главная работа, в смысле проведения митингов, пала на нашего тов. Лазаревича, владеющего французским языком, так как кампания пока ведется во Франции.

Весною прошлого года был организован ряд митингов в Париже и его окрестностях, а также в некоторых рабочих центрах Севера. Всюду и везде наши т-щи указывали, что репрессии в России против революционеров стимулируют реакцию против революционеров в буржуазных странах. Целый ряд митингов так и был проведен под лозунгом «Против репрессий в России и на Западе».

Во время разрыва англо-руских сношений, когда одно время казалось, что это может привести к войне английского империализма против России, т. Лазаревич, в согласии с организацией Рус. Анарх. Заграницей проводил митинг под лозунгом «На защиту русской революции», где он указывал, что в борьбе с английским империализмом, анархисты, как и руский пролетариат, будут на стороне революционной России; но тут он указывал, что авангард русского пролетариата находится в тюрьмах, и что борьба за его освобождение есть борьба за восстановление революционной мощи страны и следовательно, лучшая гарантия победы над [illegible]

Французские коммунисты первое время пытались [illegible] примет широких размеров. Но случилось обратное [illegible]

[illegible] анархические группы и автономные синдикаты стали устраивать митинги, приглашая в качестве докладчика т. Лазаревича.

Теперь коммунисты не на шутку заволновались. Сначала они стали появляться на прения, [illegible] ытся оспаривать цифры из «Труда». Был даже случай, когда «Труд» был об'явлен каким-то коммунистом [illegible] конфиденциальной газетой, печатаемой в Париже.

Кампания в тех же размерах и теми же силами между тем продолжается. От января до февраля 1928 г. было проведено на юге Франции, в [illegible] рабочих районах, более 30 митингов.

В это время стали возвращаться во Францию делегаты, ездившие в Россию на октябрьские торжества. [illegible] этих делегатов, как известно, было организовано «друзей СССР», которое стало раз'езжать по [illegible] передавая свои «восторги» всем виденным.

Делегаты эти первоначально старались строить восторженные речи на абстракциях, [illegible] и точных данных, а если и давали, то приукрашенные, [illegible] на действительность.

Но не тут то было. Наша кампания [illegible] в стены этих митингов-отчетов делега[illegible]

В Париже впервые группа ана[illegible] отчет в Союз Швейников. Комму[illegible] своих митингах не привыкли [illegible] лящим, и тут было уперлись, [illegible] наших товарищей, они обещали [illegible] доклада.

Следует в двух словах обрисовать эти доклады «друзей» СССР.

Они не указывают на пол[illegible] пролетариата, а восхищаются [illegible] ции русского рабочего было верно, то [illegible]зывало бы, что большевики не сделали [illegible] чем вопрос [illegible] с реформистским большинством.

Когда т. Лазаревич на митинге в С[illegible] вышел трибуну, чтоб возразить до[illegible] торы потушили свет и начались [illegible]

Тогда наученные опытом, ана[illegible] ца митинга. Так, на митинг, ор[illegible] том печатников, слово для вопросов [illegible] лице митинга, после двух первых [illegible] они почувствовали, что митинг [illegible] них, так как т. Лазаревич [illegible] руской прессы опроверг все [illegible] речи, они стали прерывать [illegible] договорить до конца. И здесь [illegible] ки и митинг так и [illegible] оратору, ренегату Коломеру, [illegible] для нас тем, что синдикалистское и оппозиционное меньшинство из Унитарного Союза [illegible]

осветить случай ареста коммуниста Фишелева, бывш предс. Всерос. Союза Печатников, а также выслушать т. Лазаревича и других товарищей, принимавших участие в русской революции.

Теперь коммунисты, не имея других методов борьбы, стали распространять слухи, что т. Лазаревич агент полиции, что он получает средства от Сарро (франц. министра внутр. дел) и от Чемберлена, стали провокационно указывать, что он иностранец, почему де, его не высылают из Франции за выступления на митингах. Затем они заговорили об этом в l'Humanité, централ. партийном органе франц. компартии. В N. от 24 февр. 28 г. они пишут в отчете об одном митинге:

«Агент Сарро, неизбежный Лазаревич начинает прения. С трудом ему удается произнести несколько фраз, чтоб очернить делегатов, как мощные звуки Интернационала его заглушают; ему отвечает Дюпре и Коломер, сравнивая его положение с положением наших иностранных товарищей, высланных из Франции за политическую или синдикальную деятельность, или просто за то, что состояли в синдикате или были известны, как антифашисты, в то время как он Лазаревич, [illegible] ехать по всей стране, преследуя известную цель [illegible] [illegible] и наверное с [illegible] поддержкой».

В l'Humanité от 27 февр. [illegible]:

«В продолжении нескольких нед[ель] контр[револю]ционер Лазаревич, высланный из СССР, ведет с поддержкой Либертэра бешеную [кампанию] против [Сов.] России. [Л]азаревич начинает прения только на собраниях, организованных Об[щест]вом друзей СССР, и не в [illegible] [illegible] арестованных [прав]ительством Пуанкаре. Он осмелился выступать в Тулоне «против репрессий в России» как раз накануне митинга, организованного в пользу [illegible] тулонских рабочих против него».

Честные революционные рабочие разоблачат [Лаза]ревича, поставив ему следующие вопросы:

Почему он не нападает на правительственные [репрес]сии Пуанкаре и не возражает на [illegible] революционных собраниях?

[illegible] [illegible] ствование и на свои постоянные длинные [illegible] то время, как Либертэр живет изо дня на [день?]

Как объясняет он свои сношения с [illegible] [иеву]ым выгнанным больше 3 лет назад [illegible]

В ответ на эти подлые провокац[ии де]легация строительных рабочих, [с которыми Лазаре]вич вместе работает на [illegible] редакцию l'Humanité, [illegible] тов, действительно ука[illegible] ции. Редакция ответила [illegible] статьи, что за них [illegible] Делегация была и у [illegible] чающих сведений и [illegible] из Москвы [illegible]

[illegible] Лазаревича знает [illegible] нно враждебен, они [illegible]

28 февр. на митинге [illegible] во время выступления [illegible] тил [illegible] и стала [illegible] тилась и возмущени[е] [illegible]

9 марта т. Лазаревич [illegible] ге «друзей» в Лионе [illegible] но судя по отчетам l'[Humanité] [illegible]

Кампания про[illegible]

* * *

Французские синдикалисты в защиту заключенных в СССР революционеров

3 февраля с. г. Ligue Syndicaliste отправила делегацию к полпреду СССР в Париже.

Два года тому назад та же организация обратилась в Полпредство, ходатайствуя об освобождении тов. Лазаревича, в то время делегация была принята Раковским. На сей раз прием был несравненно холоднее, сам полпред Довгалевский не удостоил приема рабочей делегации; принял ее первый секретарь посольства Дивильковский, не предложив делегатам присесть.

Делегация передала Дивильковскому следующую резолюцию:

«Ligue Syndicaliste», об'единяющая синдикированных от C. G. T., от C. G. T. U. и от автономных синди[катов] [illegible] СССР [illegible]

«Перед [illegible] революции важн[illegible]

[illegible] тест и забить тревогу.

L. S. протестует [illegible] нистративной юстиции [illegible] в СССР требует свободы [illegible] совых организаций [illegible]

Состояние граждан[illegible] ной юстиции, способной [illegible] люционные попытки, [illegible] у власти рабочего [illegible] рабочий класс [illegible]

[illegible]

в своих классовых рабочих организациях политику и действия советского правительства — есть преступление против безопасности революции.

Арестовывать и ссылать рабочих, которые пользуются своим правом дискуссии и критики, это значит, думая охранять революцию, ей вредить и предоставить в руки врагов грозное средство.

Проникнутая сознанием необходимости для рабочих всех стран защищать русскую революцию, I. S. [illegible] тревогу перед русскими революционными [illegible] которые должны видеть, несмотря на трудности [illegible] та, что репрессии, которые они применяют, [illegible] ред бездной и самую революцию и свет, [illegible] во всем мире.

Среди книг и журналов

И. ГЕНКИН

СРЕДИ ПРИЕМНИКОВ БАКУНИНА

(*Заметки по истории российского анархизма*). (Красн. Летопись. 1927 № 1).

Содержание этой статьи не совсем соответствует ее заглавию и несколько разочаровывает читателя. То направление русского анархизма, которое именно определяло себя как «бакунинско-кропоткинское» во внутренней, между-фракционной полемике, совершенно оставлено автором в стороне: он заранее предупреждает, что ни «хлебовольцев», ни «анархо-синдикалистов» касаться не будет. Чем вызывается такое ограничение — читатель не узнает; сама же статья от этого теряет: в ней совершенно отсутствует критика теоретических основ анархического мировоззрения, и то провозглашение негодности и устарелости анархических методов, которым она заканчивается, не вытекает ни из какой предварительной критики. Не указывается и на то, какова именно преемственная связь рассматриваемых анархических течений со взглядами Бакунина, что именно было «бакунинского» у чернознаменцев и безначальцев.

Автору статьи нужно отдать справедливость: его тон совершенно иной, чем тот, к которому нас приучила социал-демократическая полемика с анархистами, начиная с известной брошюры Плеханова и кончая новейшими произведениями, вроде брошюры Яковлева. Здесь нет ни злобы, ни клеветы, ни недобросовестного подбора фактов — вообще, нет желания во что бы то ни стало изобразить противника в самом неприглядном свете. И. Генкин лично знал многих анархистов, сидел с ними в каторжных и других тюрьмах и сумел оценить их. Ольга Таратута, Эрделевский, Лапидус (Стрига), Гольцман, Этельсон, Ватерлоо (Сенька Гол) и ряд других безумно-храбрых и фанатически-преданных бойцов анархизма обрисовываются им с большой симпатией. Отмечается, между прочим, как характерная черта анархистов, отсутствие у них расхождений [illegible]

анархистов *теоретически признавал* террор и экспро[illegible]

[illegible]

совершении, какой бы высокий «ранг» он не занимал [illegible]

и о Льве Черном, хотя и считает нужным заговорить [illegible]

[illegible]

о каких то буржуях и иностранных военных [illegible] якобы посещавших анархический клуб на Дмитровке.

И. Генкин признает за анархизмом [illegible] ческого характера: своей критикой [illegible] тии, ее легализма, ее вырождающего[illegible] своими призывами к энергичному [illegible] действию, он будил в [illegible] [illegible] не давал им погрузиться [illegible] это теперь, очевидно, по мнению [illegible] ным. Для настоящего времени [illegible] хиям словами тех раскаявши[illegible] к 1923 г. написали известное в[illegible] (подписанное Гейцманом, [illegible] Виноградовой, Тановицкой и [illegible] [illegible]

не может Генкин не знать, что [illegible] свою партию всегда стараются [illegible] ственного «самосохранения», [illegible] на заявление раскаявшихся [illegible] Генкина не раз и являются [illegible]

[illegible] но они не настолько существе[illegible] останавливаться. Более серь[illegible] заблуждение автора, которое [illegible] направление Махайского, как [illegible] хизма. Основные идейные [illegible] действительности гораздо родстве[illegible] анархизмом его сближали черты [illegible] ным образом, враждебность к [illegible] му реформизму и парламе[illegible] [illegible]

и жила как временное [illegible] [illegible] мом не связана с другой [illegible] хизма, безгосударственный [illegible] какой роли и махаевцы не [illegible] рода идеалам *)

В общем, наиболее [illegible] где обрисовывается [illegible]

[illegible]

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ «КРИТИКИ»

В последнем номере журнала «Пробуждение» помещена статья «Никак не угодишь», подписанная инициалами М. Р. — в ответ на мою заметку о [illegible] журнале, помещенную в анархическом органе «Дело Труда».

М. Р. начинает свою критику с того, что «Дело Труда» удостоило «Пробуждение» своим вниманием, поместив в своем органе заметку о нем. Но ему, видите ли, не нравится то, что «Д. Тр.» считает себя единственным русским анархическим органом. Вот, если бы то же самое говорилось о журнале «Пробуждение», тогда бы ему это, конечно, понравилось. Но не понимает наш доморощенный критик, что как не соглашайся иногда с «Дело Труда» [illegible] все таки орган определенного анархического [illegible] направления, в то время, как «Пробуждение» [illegible] журнал любого направления, но только не анархического! Ведь суть не в том, что «Пробуждение» называет себя органом свободной мысли» и помещает иногда на своих страницах статьи анархического содержания, а в ясном подходе и определенном отношении к различным вопросам анархизма. Каково, например, отношение журнала «П.» к современной организационной проблеме русского анархизма [illegible] методу, цели, форме и тактике анархической организации? Анархисты ли вообще «пробужденцы»? И если даже согласиться с последними в том, что они правы, называя себя «свободниками», то спрашивается, какие они «свободники»: коммунистические, синдикалистские, индивидуалистические или какие-нибудь другие? Могут ли они ответить на эти важные и существенные вопросы?

М. Р. указывает на то, что слово «свободники» выражает идею анархии, и что Элизе Реклю и другие анархисты часто употребляют это слово. Что же из этого следует? Прежде всего, слово «свободник» не выражает еще идеи анархизма, ибо «свободниками» могут быть и не анархисты, как напр., государственные социалисты, коммунисты или синдикалисты, тоже стремящиеся к свободе. Вот, если бы наши «свободники» называли себя безвластниками, тогда было бы ясно, что они сторонники анархизма, но свободомыслие еще не анархизм!

[illegible] ем. Реклю и другие анархисты могли часто пользоваться словами «свободники», когда речь шла об анархистах. Но не следует забывать того, что это было давно, в стар[illegible] ной работы анархические идеи не были еще доступны широкой массе. Вот, напр., покойный А. Карелин [illegible] го лет [illegible] назад предлагал русским анархистам, [illegible] ловиях легальной работы, называть себя [illegible] общинниками» — это было, до известной [illegible] итно. Но в настоящее время, при той [illegible] партийной, фракционной и оппози[illegible] происходящей в рядах как [illegible] бя ничего не говорящими именами «своб[illegible] современная эпоха [illegible] каждого сознательного [illegible]

По мнению М. Р. [illegible] тия и анархическая [illegible] себе эти партии синони[illegible] жения здесь маловин[illegible] лучше не поймет.

Для меня давно [illegible] [illegible] пол[illegible] хизму и анархисты [illegible] Руководители этих [illegible] ной работы и возмож[illegible] логию анархизма [illegible] каком должны ру[illegible] умеренно не только [illegible] вать своих читателей [illegible] тельной веры, ибо и [illegible] по перв[illegible] дни, в [illegible] нашу жизнь вперед [illegible]

Борьба за организованность

ОБ ОТВЕТЕ НА ПЛАТФОРМУ

[illegible] затривая пресловутый «Ответ» на нашу плат[illegible] [illegible] составленный семью русскими анархистами, я думаю, что их призыв присоединиться к ним останется гласом вопиющего в пустыне, и вот почему.

[illegible] несколько слов, высказанных в заключении «Ответа», заставляют всякого уважающего себя анархиста воздержаться от этого. Ибо невоздержанность «Ответа» в языке, перемешанная с личным антагонизмом, сознательными извращениями, передержками и т. д. [illegible] чистоплотного революционера от авторов «Ответа». И [illegible] напрашивается мысль: «так вот каков их с[illegible]

[illegible] хистов всех нап[illegible] Но основно[illegible] заключени[illegible] буд[illegible] русский [illegible]

[illegible] анархическому движению в [illegible]
умелершим рабочим анархистам и повстанцам в России в настоящее время

Вскольз замечу, что подписавшие «ответ» в русском анархическом движении были совершенно неизвестны, за исключением одного. С другой стороны участие и переживание участию и переживанию рознь. Можно пережить и десять революций, сидя в кабинете того или иного учреждения, чиркая статейки, изредка прочесть реферат, пару лекций и т. п. Дело не в количестве, а в качестве. А главное, где, как и что переживать?

[illegible] и на минутку согласиться с авторами «ответа» в том, что в заграничной организации русских анархистов, переживших этапы русской революции, меньшинство, то я категорически утверждаю, что это то меньшинство, которое делало анархическое дело в русской революции. В завкомах, в советах, в крестьянских комитетах, в кооперативах, в профсоюзах, на фабриках, заводах, рудниках, в украинском повстанчестве — всюду оно вносило анархический дух. Пусть здесь, за рубежом, они меньшинство, но там, на месте в России за ними и вместе с ними шли и творили анархическое дело сотни тысяч крестьян и рабочих. Конечно, это меньшинство не пустозвонная интеллигенция, а рабочие, вышедшие из низов, дети станка и сохи. Они пережили все этапы русской революции не за болтливой дискуссией, а в боевом огне революции, или на каторге. Это меньшинство и является истинным представителем русского рабоче-крестьянского анархического движения.

«Платформа» — это результат работы этих анархистов активистов в широком низовом рабоче-крестьянском анархическом движении. Это не плод досужей фантазии, это не творчество кабинетного надуманного анархизма вдали от гула революции. Это уроки этапов русской революции. Это живая действительность практического анархизма в революции. И это живое великое дело пытается дискредитировать какая-то группка нытиков!

Выходит у них по «ответу» так: муха и вол — «мы пахали». Всякий, просмотревший ответ на платформу поймет все злопыхательство авторов его в силу даже только одной боязни, что иностранные товарищи на некоторое время увлекутся Платформой.

Мы ни от кого не требуем любви, ни тем более увлечения. Реальная жизнь подсказывает каждому анархисту всю серьезность и грандиозность поднятого Платформой дела, требует, толкает каждого анархиста на путь создания Всеобщего Союза Анархистов, дабы в их организованных рядах не было больше места дикому хвосту и безответственности. Подавляющее боль[illegible]

куда ведет их Платформа, в результатом этого их понимания явится деловой жизнеспособный Всеоб[illegible]

[illegible]
своих замечаний.

Напрасно наши ретивые «ответчики» [illegible] ребенке, которого мы будто собираемся выпле[illegible] водой из корыта. Из нашего анархического [illegible] мы стремимся выплеснуть — и безусловно [illegible] — ту нечисть дезорганизации, раз[illegible] анархического духа среди трудящихся [illegible] ребенок всегда кривой, голодный и р[illegible] мудрым «ответчикам» это должно быть [illegible] смотря на это они не прочь разыграть из [illegible] няньку при ребенке.

Напомним здесь, что один из [illegible] лил в статье «Дело Набата» [illegible] «Основной же принцип орга[illegible] моему, тот же, какой был при[illegible] ние федеративного начала с [illegible] свободной, естественной, техни[illegible] т. е. связанности (не буд[illegible] товарищеской дисциплиной [illegible] венности».

Что это? Ответственное слов[illegible] ника или набор пустых фраз, в [illegible] автор? Если ответственное [illegible] забывается, когда то же лицо [illegible] Платформу? Если же это не [illegible] а случайная пустая фраза [illegible] тогда не считать случайной пустой фра[illegible] вет» авторов? Где критерий, по котором [illegible] чать серьезное от пустого у наших [illegible] вета»

Наши критики из «ответа» пр[illegible] ства революционной борьбой масс. [illegible] массам. Вот где можно сказать, — [illegible] стает недомыслие. Идейную роль [illegible] масс они не отрицают. Но с ма[illegible]

[illegible] ной борьбой, не сознавая того, [illegible] анархизма неминуемо принимает [illegible] руководства борьбою масс. В [illegible] дении? *В вопросе* [illegible] говорит: «мы не руководим ни [illegible] масс, *поэтому* мы не ответстве[illegible] много движения, той или иной [illegible] бывало сплошь и рядом, так [illegible] революции. Анархисты типа [illegible] ко заявляли, что они ни [illegible] цы за те или [illegible] русской револ[illegible] стионы, что не [illegible]

Вот образчик безответственной болтовни авторов ответа. На стр. 20 «ответа» они пишут: «Раз массы станут на путь подлинной социальной революции и ее строительства, последнее будет естественным началом формирования анархического строя». И только. Как у них все просто и легко разрешается. Выбросили лозунг, гаркнули пару слов, и довольно, дело сделано. Но голый лозунг сам по себе еще ничего не говорит. Как и каким образом его претворить в жизнь? Что должно быть и чего не должно быть в социальной революции? И что это за естественное начало и как будет формироваться анархическое общество? Это не их дело! Это дело самих масс. Они сказали, омыли руки и баста. А не выйдет, не надо. Ведь они безответственны и ответственности никакой не берут и брать не хотят.

Мы ответственности не боимся. Полностью берем ее на себя во всех трагических случаях борьбы труда с капиталом, ибо мы анархисты слова и дела. Мы *обязаны* идейно направлять события и борьбу масс в определенном направлении, в направлении анархического коммунизма, а не в каком ином. Русская революция полностью подтверждает это наше положение.

Если бы в повстанческом украинском движении не было руководства и инициативы со стороны анархистов, оно никогда не приняло бы тот смысл и тот характер, которые исторически запечатлелись на нем.

Если бы в крестьянском движении в Великороссии не было инициативы и руководства анархистов, то весной и летом 17 г. не было бы такого повсеместного захвата крестьянами помещичьих земель.

На всеобщей петроградской конференции фабзавкомов 30 мая 1917 г. было оглашено о захвате многих заводов в руки рабочих по инициативе анархистов. Инициатива и идейное руководство необходимы в борьбе масс и мы стремимся к тому, чтобы идейное руководство анархистов перестало быть случайным и поверхностным, а стало бы прочным и организованным. Этим мы выбьем почву у государственных социалистов (большевиков, меньшевиков и т. д.) и освободим от их влияния борющиеся массы и приблизим их к идеалам анархизма. И этого мы достигнем путем организации Всеобщего Союза Анархистов. Кто этому противится, тот льет воду на жернова буржуазии и государственных социалистов.

Остановившись на нашем отношении к идее переходного периода, авторы «ответа» ударились в сознательное и злостное искажение наших положений.

Мы уже неоднократно писали, что не только не признаем переходного периода, как известного периода застоя и смерти революции, с наличностью власти, но подтверждаем, что все те, кто его признают, не верят в силу и мощь трудящихся классов, в их революционное творчество, и не понимают сути социальной революции. В нашей Платформе имеется разработка переходного периода, и намечены пути и развитие соц. революции с нашей точки зрения. В своем «ответе» его авторы сочиняют всяческие небылицы. Ни в одной странице Платформы не было и нет робких колебаний «с одной стороны нельзя не признаться» и т. д. Такие приемы совершенно недопустимы для революционеров. А авторы «ответа» еще говорят о серьезном анализе. Разве это анализ? Сознательное искажение не только того, что есть, но навязывание того, чего нет.

Отв. стр. 19. *Защита революции*. Касаясь важнейшего вопроса защиты революции, наши противники в этот вопрос не только не внесли что-либо новое, но даже закрывают глаза на действительность, на ход русской революции.

Революция в перчатках не делается, — мы знаем это и на лицо имеем классовую войну, наступление революции на своих врагов — контр-революцию. Гражданской упорной войны нам не избежать и период соц. революции продолжителен. Но это сама социальная революция, а не переходный период.

Вопрос о военной защите революции Платформа поставила в порядок дня и предлагает изучить его теперь же, тщательно набросав свою схему, дабы не очутиться разоруженным перед лицом хитрого врага. Вопрос надо изучать, положительно решить его и не выдумывать злостных небылиц, как это делают авторы ответа.

Платформа говорит, что в момент наступления на революцию организованных контр-революционных сил будут приняты меры защиты революции против таких выступлений. Можно ли быть против революционного насилия трудящихся в соц. революции? Да ведь трудящиеся массы, ведя борьбу за свои права на жизнь, ведут ее революционно, насильно; это не насилие, а защита своих прав. Не признавать насилия над своими врагами, насилующими нас, в процессе социальной революции и гражданской войны, это значит не желать ни самой соц. революции, ни гражданской войны, ни борьбы классов, ни анархизма. Это равносильно тому, что надо ласково просить властвующих и капиталистов мирно в силу убеждения отказаться от правления и власти. Борьба труда с властью и государством может быть только насильственной борьбой, кто сильнее, тот победит. Иначе нужно бросить называть себя анархистами-революционерами, а быть толстовцами, непротивленцами злу. Революция есть насилие, как и контр-революция. Власть — насилие. Государство — тоже. Но на насилие государства и власти мы организуем свое революционное насилие над ними и это организованное трудящимися классами насилие над своими врагами, собственностью, властью и государством называется социальной революцией, а победа трудящихся, как плод этого насилия, будет анархический строй. Так просто и ясно. Зачем же пустые слова с задними мыслями и подковырками? Они смешны, жалки и унизительны для их авторов.

Посмотрим теперь, как ответчики критикуют конструктивную (положительную) часть платформы. Я не буду здесь указывать, как в своем ответе они все время прыгают и разбрасываются от вопроса к вопросу. Анализируя конструктивную часть, пункт «Производство», они прежде всего ставят упрек Платформе

в сжатости означенного пункта. По этому поводу они пишут: «И если бы мы предприняли изложение анархической платформы, мы сочли бы более правильным дать общую картину всего социально-экономического процесса в его новых живых функциях и комбинациях» (стр. 24) В чем же дело? Почему же вы этого не сделали и не делаете? Было бы много лучше, если бы вы вместо для вас самих непонятной болтовни занялись созидательной работой. Но вы на это не способны и предпочитаете отравлять всякое живое анархическое начинание. Спрашивается, какая же цена всему этому «ответу»? Одна — пустая болтовня, литературная водичка, а существенного ничего нет.

Затронув в Платформе вопрос о производстве, мы стремимся в этом пункте отметить и указать, что соц. революция вопрос о производстве с первого дня поставит ребром. И что как производство всей страны в целом, так и продукты этого производства будут принадлежать всему обществу; всем вообще и никому в отдельности. Знаем, что по этому вопросу будет предпринят ряд работ, его детализирующих. Во избежание поражения и уклонения от правильного пути соц. революции сразу же берется за разрешение хозяйственно-экономических проблем. Для этого немедленно трудящиеся классы и произведут всеобщую экспроприацию хозяйства страны для всего трудового общества и проведут в жизнь *планомерную организацию общественного социально-революционного производства.*. Успех и все будущее соц. революции и гарантия анархического строя, потребление и распределение, только и зависят от этого планомерного, социально-организованного сельско-хозяйственного и промышленного производства. От этого зависит все, в этом залог и фундамент анархического строя. Ибо неорганизованность общественного производства делает невозможным безденежную организацию общественного обмена. Ведь только наличие частной собственности, сосредоточение всех средств производства в руках немногих лиц или государства являются причиной власти, угнетения и эксплуатации труда капиталом. Значит перед первым днем социальной революции лежит важнейшая задача организации общественного строя на принципе обобществления всего хозяйства страны с планомерной организацией общественного производства на началах независимости и самоуправления рабочих классов.

И еще меньше сказали, вернее совсем ничего не могли сказать наши ответчики по вопросу продовольствия и земли. Их «новое слово» заключается разве в том только, что трудящиеся даже во время социальной революции, должны кормить всю нынешнюю эксплуататорскую орду, даже если она будет подсмеиваться над революцией и точить на нее ножи (стр. 24 и 25 «ответа»). Но в этом заявлении ответчиков ничего нового, а тем более революционного нет. Рабочих с пеленок учит этому капиталистическое общество. Рабочий класс знает цену этому учению и пройдет мимо него, даже тогда, когда его будут пропагандировать такие «мудрецы», как авторы «ответа».

Подойдя к последней организационной части Платформы, наши ответчики совсем обессилели и вместо какого-нибудь определенного плана анархической организации завели нудный разговор о своем преславутом синтезе.

О «синтезе» я повторяться не буду, об этом уже отмечено было в Д. Тр. №26-27 в прекрасной статье т. Аршинова. Ответчики предлагают создать единый дискуссионный орган, чтобы «дружески» разрешать в нем все вопросы анархизма. Но фактически из этого предложения получится толчея воды в ступе — не больше.

В заключение могу сказать, что во всей их брошюре в 39 страниц нет ни серьезного подхода, ни серьезной критики по всем затронутым вопросам в нашей Платформе. Есть одно, что резко бросается в глаза и проходит красной нитью от начала до конца их «ответа», — это злопыхательство по адресу Группы Рус. Анарх. Загр., искажение фактов и стремление во что бы то ни стало, какой угодно ценой подорвать доверие к авторам Платформы, обвиняя их в большевизме, в партийности, и в чем угодно. Весь ответ для сознательного товарища, читающего и разбирающего его, ничего не дает ни уму, ни сердцу.

Одному можно порадоваться — тому, что всякий искренне желающий укрепления нашего анархического движения и стремящийся к разрешению организационного вопроса в анархизме, после прочтения «ответа» на Платорму окончательно придет к выводу, что иного выхода, кроме указанного Платформой нам нет.

Чтобы не погибло окончательно анархическое дви и чтобы грядущая революция не застала нас врасплох и чтобы снова не очутились у разбитого корыта, воскликнем: Да здравствует Всеобщий Союз Анархистов! Все к Платформе, за платформу! Иного выхода нет и быть не может.

Рига. **А. ЧЕРНЯКОВ**

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА

Несмотря на то, что теория и практика должны составлять одно неразрывное целое, однако в этих словах есть что-то недосказанное. Есть теории (подлинные), согласующиеся с жизнью. А есть теории горбатые, искажающие действительность. Охотников рассуждать теоретически в наше время хоть отбавляй, но с трудом можно отыскать таких, которые бы свои теоретические взгляды и положения стремились осуществить на практике.

Всем нам известно, что многие способны наговорить ворох разных небылиц, но предложите им выполнить ими наговоренное, то получите отрицательный ответ, мотивируемый разными невозможностями. А это значит, что теория не требует самоответственности и самодисциплины, сколько требует практика, т. е. иначе говоря, в теории легче уклониться от ответственности нежели в практике. Присматриваясь и прислушиваясь к «теоретическим говорунам», невольно приходишь к

следующему выводу: все эти пустословные «теоретики» являются безответственными людьми не только перед другими, но и перед собой и болтовня их — это профессия личного удовольствия. Для них важна теория сама по себе, как способ проявить себя и подняться на какой-либо пьедестал. Вся их философская проповедь, вся красноречивость их теоретических слов сводится к одному общему знаменателю, который можно формулировать словами, кем-то выраженными: «если все ваши красноречивые и необыкновенные слова сложить вместе и сумму разделить на какое-то эн-число, то выйдет одно единственное слово, начертанное жирными буквами «пустота».

Долгие годы анархическое движение, благодаря многим тормозящим причинам, не в состоянии было выработать точного и правильного практического метода, ведущего к достижению цели, намеченной учением анархизма. Российская революция очень много помогла в этом вопросе многим анархистам, принимавшим личное участие в ней. Колоссальная неудача освободительного движения в русской революции заставила многих анархистов задуматься о тех коренных недочетах, которые явились причиной слабости и поражения анархизма в России. Недочеты эти сказались в том, что в среде анархического движения, если и была сплоченность и согласованность в вопросе о цели, то в вопросе о методах достижения ее было как раз обратное, — полная раздробленность и противоречие. Необходимость к общей платформе, которая бы являлась практическим руководством для разрушения государственной централистической власти и проведения в жизнь идеи свободного общежития, оказалась крайне настоятельной.

Результатами этого практического урока российской революции перед нами теперь лежит «Платформа», изданная Заграничной Организацией Русских Анархистов Дело Труда, вернее сказать проект ее.

Проект этот, как сказала тов. *М. Корн*, если и не является полным достижением, то во всяком случае заслуживает громадного внимания тех, кто искренно стремится к осуществлению на практике теорий и идей анархизма. Но «теоретики» небылиц, испугавшись практического метода, который является помехой их красноречивого пустословия, завопили в один голос: «анархическая диктатура». Ибо, по их мнению «для анархистов необходимо усвоение лишь теории, практическое же осуществление этой теории это дело рук трудовой массы». Добавлю от себя: что той трудовой массы, которая вовсе не знает теории.

Последователей подобной небылицы очень мало, но вред она приносит все таки чувствительный в анархическом движении уже потому, что всякий вопрос в своем зародыше имеет стороны не совсем выясненные. К тому же еще многие из последователей анархизма не научились мыслить самостоятельно и руководиться своим собственным рассуждением и вдумчивостью, а руководятся магической палочкой какого-либо поднебесного философа, служащего для них авторитетом. Самым опасным пунктом в «Платформе» для «теоретиков» в кавычках — это пункт о коллективной ответственности и самодисциплине, от которого у них не на шутку задрожал весь принцип с перепугу. И было бы полбеды если бы они, оторопевши, отказались, если не совсем от анархизма, то по крайней мере от старой своей привычки тормозить дело других. Но, как это ни печально, в жизни привычка не малую роль играет тоже. Человек привыкший учить других не скоро соглашается с тем, чтобы его учили. На этой почве появляются «недовольные», протестующие против той живой струи, которая внесена в анархическое движение людьми, испытавшими на опыте тот недостаток в анархическом движении, какой оказался в русской революции.

Для подлинных последователей анархизма подобные протесты не имеют никакого значения. Все, что необходимо нам для живого дела, а не для теоретических небылиц, это *проявить свою активность* в разработке и лучшего выяснения главных пунктов Платформы, а также устранения из нее пробелов, если они в ней имеются, и затем общими силами разработать путь и практический метод, которые ведут к намеченной теорией анархизма цели. Основа этому делу положена в Платформе. Требуется усиленная работа для его усовершенствования и завершения. И если анархисты это выполнят, то лишь тогда можно расчитывать на успех анархического движения и анархического учения.

Другого исхода нет и не может быть.

Нью-Йорк. *Б. БЕЛ.*

Из оппозиционных настроений на западе

Теперешние настроения в западных компартиях рисует напечатанная в La Révolution Prolétarienne корреспонденция, кот. ведется между бельгийским коммунистом и П. Монатом.

Спор идет о том, следует ли оставаться в компартиях и в пределах их бороться с оппортунизмом и термидорианскими течениями или же выходить из них и извне, через рабочий класс, вести борьбу с опасным уклоном в мировом коммунистическом движении.

Приводим характерные отрывки из этой переписки. Бельгийский коммунист пишет:

«Настоящий кризис в бельгийской компартии нас сталкивает больше чем когда бы то ни было с оппортунистами, лжецами, трусами и льстецами из Коминтерна, фальсификаторами наших слов и писаний. Не, должны ли мы облегчить им их работу, оставляя их одних в компартии? Неправда ли, нет.

Правы мы не только в так называемом «русском вопросе», но и во всех вопросах, из за которых мы с ними воюем, как синдикальная тактика, тактика избирательная, единый фронт и т. д.

Выходить, строить новую партию? Тысячу раз нет, если мы понимаем, что есть еще что делать в К. П., что наиболее правое и наиболее трудное дело это здесь, перед лицом наших врагов, чтоб их выжить оттуда.

Против термидорианского течения! Но против также течения бегства!».

В ответном письме бывший член французской компартии Монат отвечает:

«Вы не хотите быть коммунистами прислужниками. Вы это доказываете. Ни отдайте себе как следует отчет в том, что нет места не прислужникам коммунистам ни в коминтерне, ни в компартиях. Или вас заставят капитулировать или вас прогонит. Интернационал опытен в искусстве партийных проделок. Посмотрите, что стало в Италии с Бордигой. Он имел за собой в Италии громадное большинство итальянской партии. Они расторгли это большинство; на чашу весов было брошено влияние русской революции: от Бордиги отделили кое-кого из его лейтенантов. Арест Бордиги облегчил дело. Но тем или иным способом, итальянская компартия должна была стать тем, чем она является теперь, послушной партией, как и все остальные.

Ван Оверстратен и вы, мой товарищ, вас постигнет та же участь. Бельгийская партия вас обойдет. Вы будете оттуда выгнаны как троцкисты.

Во Франции большое число революционеров вошло в партию, не принимая вполне ее идеологии. Многие жалуются на синдикальную политику, которая там проводится. Но к этой плачевной политике они ежедневно приобщаются: при помощи дисциплины они ей помогают. Будут ли они долго так продолжать?

В последнем своем воззвании сосланные питают надежду на коминтерн и на партии его составляющие. Я не разделяю этой надежды. Кто захотел бы говорить, будет тотчас же исключен. Осуждение будет вынесено извне самим рабочим классом.

Я повторяю, высылка нанесла последние удары по партиям и коминтерну».

ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА.

В ответ на письма, полученные мною от т-щей из некоторых городов по поводу заметки редакции Д. Т. о непомещении моей статьи, касавшейся конфликта с Волиным, скажу следующее. Вполне разделяю решение редакции Д. Тр. о недопущении полемики подобного характера на страницах Д. Тр. Если мною направлена была в редакцию такого рода статья, то лишь до получения мною брошюры, выпущен. Груп. Русск. Анарх. в Париже под названием: Кому это надо?, в которой вполне освещен вопрос, затронутый мной в статье. Ред. Д. Тр., сохраняя стран. журнала от подобной полемики, вполне поступила правильно, ограничившись лишь заметкой о получении такого рода статей, говорящих не в пользу Волина. Поэтому упреки в письмах товарищей по адресу редакции Д. Тр. за непомещение моей статьи считаю неосновательными, ибо содержание своей ненапечатанной статьи я знаю лучше, чем упрекающие и считаю, что ред. Д. Тр. поступила правильно.

С тов. приветом *Е. Бел.*

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N3 в пользу журн. «Дело Труда». П. Черный 0.50 дол. Д. Душин 0.50; С. Мирончук 0.50; М. Паратов 0.50; М. Куба 0.50; Г. Замко 0.50. Итого: 3 дол. г. Монтреал.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 8 в пользу заключен. в России анархистов. г. Монтреал.

Д. Душин 1 дол.; С. Мирончук 1 д. В. Каледа 0.25 д.; И. Карчинский 0.25; Н. Вилимович 0.25; В. Сюртук 0.50 д.; Анатолий 0.25 д. С. Назарчук 2 д. Р. Белецкий 0.50 д.; Николай Шелда 2 д. И. Бушук 0.50 д. Итого 8.50 дол.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 10 в пользу журн. Дела Труда Д. Лычек 10 дол.; Ф. Д-ка 5 д.; Е. Козлов 5 д.; П. Самец 2 д.; И. Асименка 1 д.; Н. Смолин 1 д.; М. Быков 1 д.; М. Полущев 1 д. А. Деньзик 1 дол. М. Деньзик 1 д.; А. Баньковский 1 д.; А. Баньковская 1 д.; М. Ригарчук 1 дол. Ф. Баснюк 0.25 д.; С. Роткевич 0.25 д.; О. Баран 0.25 д.; Н. Симончук 0.25 д. Всего 32 дол.

ОТЧЕТ Детройтского Об-ва Помощи Полит. Закл. и ссыльным в СССР в средствах, полученных от розыгрыша радио в пользу полит. закл. и ссыльных.

Всего было продано билетов на сумму 442 дол. Выигрыш пал на билет N502-А. Товарищ, коему достался выигрыш (100 дол. или радио) письменно известил Об-во Помощи, что выигранную им сумму в 100 дол. он предоставляет в распоряжение Общества с тем, чтобы оно распорядилось ею по своему усмотрению. На этом основании Об-во Помощи, приняв во внимание острую материальную нужду журнала русских анархистов коммунистов *Дело Труда*, выделило из 100 дол. 80 д. в пользу *Дела Труда*; 20 дол. пошли на покрытие расходов по разыгрышу радио. Чистая же прибыль от розыгрыша радио в сумме 342 дол. была отослана в группу Русских Анархистов Заграницей для пересылки заключенным и ссыльным в Сов. России анархистам.

Об-во Помощи полит. закл. и ссыльным в Сов. России, г. Детройта, приносит глубокую товарищескую благодарность всем организациям и отдельным товарищам, принимавшим участие в распространении розыгрышных билетов, а также товарищу, который пожертвовал в пользу Об-ва 100 дол.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

Общества Помощи Политзаключенным и ссыльным в Сов. России, г. Детройт и Детройтской Группы Анарх. Коммунистов от 15 окт. 1926 г. по 1 февраля 1928 г.

Приход

Общая сумма прихода 978.31 дол.

Расход

Выслано через Парижский Комитет при Группе Русских Анархистов Заграницей, в пользу политических заключенных и ссыльных в Сов. России — 650.45 дол.

В пользу Дело Труда — 148.25 дол.

В Монтреальскую группу на выписку л. из Европы — 10. дол.

В фонд Федерации А.-К. Северной Америки — 10 дол.

В пользу газ. The Road to Freedom — 2 дол.

Расход по пересылке денег в Париж и другие почтовые расходы, а также расход по лекции тов. Маркуса и тов. Бондаренко и по устройству вечера памяти П. Кропоткина — 157.26 дол.

Итого расхода — 977.96 дол.

Остается в кассе организации на 1 февраля 1928 г. 35 сен.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange. Paris